

ГЛАВА 23.

Пока что деньги являются основной причиной проституции, но не единственной. Также важным аспектом является то, что на эти деньги можно купить — приключение, независимость, безопасность, возможности, власть, привлекательность, уважение их семей. В еженедельной газете писали о проститутках из горных племен Бунсонг. «Спасенных» из рабской проституции девочек отправили обратно домой в их кланы, но многие из них снова возвратились в Бангкок. Они считают городскую жизнь намного более яркой и предпочитают оставаться здесь, а не возвращаться в свои деревни. В газете рассказывается об одном случае, когда 15 девочек были спасены из борделя Бангкока и отправлены домой. Но через несколько месяцев они снова оказались в Бангкоке и Яле, где снова занялись проституцией. «Они сказали нам, что не смогли выдержать суровую деревенскую жизнь».

В эту ночь Джек не пришел. Следующей ночью я тоже не видела его на Патпонге. Я зашла в новый бар на Патпонге-2, Sexy Stars , который только что открылся. Двенадцать одетых в бикини женщин танцевали на сцене в переполненном клубе. Открытие новых баров всегда привлекало фарангов, любителей всего новенького, и постоянных тусовщиков. Вдруг кто-то неожиданно подскочил ко мне и обнял руками. Это была Понг. Ее привычно волнистые волосы сегодня были выпрямлены и подстрижены, поэтому я не сразу признала ее. Она хорошо выглядела. Это новое заведение было двухэтажным. На первом этаже танцевали девушки в бикини, и там же был бар, обманывающий туристов, как в Pussys Collection. Понг светилась от удовольствия.

– Что произошло с Онгом? – спросила я. – Он сказал, что ты навсегда уехала из Бангкока. Что ты стала работать на рисовом поле.

Она засмеялась.

– Рис это скучно. Я повидалась с семьей и снова вернулась в Бангкок.

– Ты предпочитаешь работать с фарангами, нежели на земле? – подсказала я.

– На занятие любовью уходит три минуты. Заниматься рисом нужно одиннадцать часов в день и под палящим солнцем. Кожа черная, тело болит.

Она надула губу, представив такие ужасы.

– Ты вернулась к Онгу? Он скучал без тебя.

Она кивнула и была довольна услышать это.

Когда менеджер Sexy Stars остановился, чтобы представиться, Понг тут же ушла сидеть с двумя фарангами. Одного из них она поцеловала долгим французским поцелуем. У Понг была привычка оставлять меня с менеджерами. Когда мы встретились в первый раз, она поступила так же, оставив меня с управляющим, которого вскоре убили.

Я почувствовала себя очень неловко, как на экзамене, когда менеджер сел возле меня.

Джек не пришел и в эту ночь тоже. Я проснулась от солнечного света в негодовании. Где он был? Со своей женой? Я была расстроена и недовольна. Эти отношения сведут меня сума. Все, что я делаю, это смотрю, как он спит, и подозреваю, что меня обманывают, а потом он уходит, чтобы побыть со своей женой.

Он позвонил ближе к вечеру.

– Я не могу больше это выносить, – возмущенно сказала я ему.
– Я хочу прекратить это. У тебя есть жена. Я не хочу иметь дело с вашими супружескими проблемами. Не возвращайся.

– Что с тобой? – спросил он.

– Что с тобой! Ты делаешь меня несчастной. Я не доверяю тебе. Я не верю ничему, что ты говоришь.

– Я сейчас приеду.

– Нет. Мне нечего больше сказать тебе.

– Я все равно приеду, – сказал он и повесил трубку.

Джек приехал очень быстро. Я сердито скрестила руки на груди и села на диван. На нем был детского вида вязанный топ в бело-голубую полоску. Он выглядел очаровательно. Я никогда не видела этот топ раньше, и задалась вопросом, какая женщина связала это ему.

– Ты тяжело дышишь, – сказал он.

Я тоже заметила, что тяжело дышу.

– Я расстроена. Ты не приехал вчера.

– Вчера я был болен и ходил в больницу.

Он показал мне след от иглы на руке, там, где у него брали кровь.

– Я боялся, что у меня малярия или СПИД.

У меня началась паника.

– СПИД? Они проверяли тебя на СПИД?

– У меня нет СПИДа.

Волна облегчения прокатилась по мне, когда я вспомнила о тестировании, которое делают в Бангкоке.

– Они взяли у тебя анализы? – спросила я. – Результат не нужно ждать несколько дней?

Он опять заколебался, будто я уличила его во лжи.

– Они не знают, что у меня.

Я была уверена, что он не проверялся на СПИД. Был ли он у него? Мне показалось, что он упомянул о нем и малярии только для того, чтобы убедить меня в том, как сильно он болел. Он, похоже, не верил в то, что мог быть болен СПИДом. Вряд ли он вообще знал, что это такое.

Я не думаю, что он у него был. Бангкок был наполнен странными лихорадками.

Возможно, правительство, подавляя тему СПИДа, сделало свою работу, убедив нас обоих в том, что в Таиланде эта болезнь не существует как проблема.

– Ты болен, потому что ты лжешь, – сказала я. – Твоя непорядочность губит твоё психическое здоровье.

Он снова выглядел смущенным, и я вспомнила, что у него в классе никогда не было психологии.

И все-таки я чувствовала себя виноватой. Я сердилась и переживала, что он пренебрегал мной, а на самом деле даже не думала, что он попадет в больницу. Я отмякла.

– Почему ты не позвонил мне и не сказал, что ты в больнице?

– Я не мог этого сделать, – ответил он с трагическим взглядом.

– У меня нет вообще никаких денег и я не хочу, чтобы ты платила.

Я пристально посмотрела на него.

– Я никогда не знаю, когда тебе можно верить. Я ненавижу это ощущение. Я ненавижу недоверие к тебе. Каждый раз ты говоришь мне разные вещи. Ты говорил мне, что на дороге пробки, и ты приедешь через сорок минут, хотя ты ходишь пешком. Мы собирались навестить твою мать, но так и не сделали этого. Я не верю тебе.

– Ты хочешь встретиться с моей мамой? Хорошо, завтра мы пойдем.

– Правда?

Я бы очень хотела верить ему и быть с ним.

– Завтра я планировала увидеться с Чаем, и уже заплатила в баре за него.

– В десять часов, удобно для тебя? – спросил он.

– А это не поздно для твоей матери?

– Удобно в любое время.

Я вспомнила, что навещать гостей в Таиланде никогда не считалось назойливостью. Можно было приходиться к людям в любое время дня и ночи.

На следующую ночь я встретила с Чаем в Apollo Inn. Мы пошли в другой гей-гоу-гоу бар, ниже на квартал от Патпонга-1. Так как было еще слишком рано, то мы были единственными клиентами. Я сказала Чаю, что он может заказывать любые напитки, какие пожелает.

Телевизор в углу показывал веселые порнографические фильмы. Половые акты на экране позволили мне задавать вопросы, которые в другой ситуации задавать было бы неловко. Тебе нравится делать это? Ты когда-нибудь пробовал вон ту позицию? Разве это не больно?

Только один гетеросексуальный бар Патпонга показывал порнофильмы, и я нашла их полезными для женщин.

– Ты знаешь кого-нибудь, кто работает здесь? – спросила я Чая.

– Да, но не вижу его. Я не знаю его номер.

В отличие от Apollo Inn, здесь гоу-гоу танцоры не сидели в комнате. Вместо этого тут были альбомы с фотографиями обнаженных сотрудников. Клиенты должны были посмотреть их и заказать по номеру.

Чай вместе со мной просматривал фотографии, периодически показывая на друзей.

– Этот, – сказал он. – Выиграл конкурс «Самый красивый гоу-гоу танцор в Шератоне».

– Правда? Нам стоит на него посмотреть?

– Как скажешь.

Я кликнула официанта и спросила № 57. Пришел друг Чаю, одетый в шорты и футболку. Он был рад увидеть Чаю и они стали обсуждать старых друзей и преимущества их баров.

Между тем я не могла дождаться, когда же встречу с Джеком. Считая секунды до половины десятого, я сидела и ерзала на месте. Наконец-то, оставив Чаю в компании № 57, я расплатилась по счету и ушла.

Когда Джек появился у моей двери, он выглядел взволнованно, так же как и я, думая о наших планах.

– Сегодня днем я работал для Plaza, массажного салона, – сказал он. – Зарабатывал денег, чтобы отдать своей матери.

Plaza находился на Патпонге-2.

– Ты работал на улице? – спросила я.

– Да. Я зазывал мужчин посетить салон.

– Я тоже была сегодня на Патпонге в Foodland, но не видела тебя.

– Перед этим я был гидом, я работал там. Теперь, если мне нужны дополнительные деньги, я буду ходить в Plaza днем.

Это не объясняло, почему я его не видела там. Он пытался смелить тему? Или сделал вид, что не заметил того, что я призываю его к объяснению? Каждый раз, когда он арканит клиента, ему нужно проводить человека внутрь. Наверное, я его проглядела. Почему он лгал об этом? Я становлюсь невротиком?

Мне надо бы прекратить сомневаться в каждом слове, которое он произносил.

Мы взяли моторикшу и поехали в трущобы в отдаленную часть города. Спускаясь вниз по улице, мы приблизились к одной из тайских святынь – фигуре Будды. Джек остановился и, закрыв глаза, молча постоял. Мы продолжили наш путь в темноту, извилистыми дорожками.

– Это нехорошее место, – сказал он. – Ты боишься?

– Нисколько. Я с тобой, я счастлива.

Через несколько поворотов мы подъехали к дому его родителей. Дом выглядел печально. Он был сделан из деревянных досок и гофрированной жести. В метре от парадного входа стоял сортир с дверью нараспашку. Маленькая дверь в комнату его родителей была едва ли больше, чем двупальный матрас, лежащий на полу. Очень низко поклонившись, Джек поприветствовал мать и отца. Пожилая пара лежала перед цветным телевизором, наблюдая за конкурсом красоты. Разувшись, я села на краю матраса, а Джек рядом с дверью. Его родители смотрели на меня с любопытством, но не особо удивленно. Я задалась вопросом, а говорил ли им Джек обо мне.

Отец Джека был живым и милым. Пододвинувшись поближе, он сел, скрестив ноги. Он был похож на Джека. Мать была тучной, с одним, частично закрытым кривым глазом.

– Старая уродливая женщина, – сказал отец, указывая на жену.

Она никак не отреагировала, будто слышала такое каждый день. Хотя она ничего не говорила, зато тело улыбалось мне. Затем Джек

указал мне на что-то, похожее на туалет, у дальней стены. Эта маленькая комната была похожа на комнату родителей, только всего метр шириной.

– Это моя комната, – сказал он.

За полуоткрытой дверью было темно.

– Я вырос здесь.

Как ужасно. Чтобы войти туда, ему нужно было пройти по маршруту родителей, и он вынужден был слышать каждое их слово, когда они разговаривали. Я не хотела спрашивать, спали ли его братья там же.

– Я предскажу твою судьбу, – сказал мне его отец. – Какой у тебя год рождения?

– Тысяча девятьсот шестьдесят первый, – сказала я, быстро посчитав год своего рождения с учетом вранья о моем возрасте. Он написал на листок число и стал рассказывать о моем прошлом и будущем.

– В этом году не жди ничего хорошего для себя, – сказал он. – В следующем году будет хорошо, за следующим еще лучше. В этом году нет сабай яй (душевное спокойствие).

Затем он кивнул Джеку.

– Ты любишь его?

Я должна была сказать «да». Это заставило бы Джека почувствовать гордость, но было ясно, что ему не нравится ход мыслей его отца.

– Не очень хорошо для тебя. В этом году у тебя беспокойное сердце.

Я не относилась к его предсказаниям серьезно. Во-первых, я не верила в гадания, а во-вторых, я дала ему неправильную дату своего рождения.

– Никакого сабай яй, – повторил он. – Это так?

– Точно, – четко отметила я.

Джек выглядел смущенным. Его отец упомянул это несколько раз.

– Когда Джек был маленьким, он все время получал порку. Он всегда был непослушным мальчиком. Ты не найдешь сабай яй с ним, – сказал он и засмеялся.

Джек криво улыбнулся.

Я надеялась раскопать информацию о жизни Джека и его родителей, но теперь больше я не хотела смущать его.

Возможно, посмотрев фотографии его и Дум, я нашла бы ключ к разгадке их отношений.

– У тебя есть твои детские фотографии? – спросила я Джека.

Достали семейные фото. Я увидела несколько снимков его матери, когда та была замужем за датчанином. Тогда она была моложе и богаче. Это давало отцу возможность говорить, что сейчас она старая и уродливая.

– Старуха, – говорил он. – Слишком уродлива.

Он оскорблял свою жену все время, и видимо никогда не обращался с ней по-другому, только пренебрежительно. Он редко смотрел на нее, а она вела себя так, будто это было нормально. У них было много фотографий его подрастающих сестер и братьев, и совсем немного его, когда он был маленький. Джек достал альбом с его фотографиями в подростковом возрасте, в зоопарке.

– Держи, – сказал он мне.

– Правда? Спасибо.

Он подвинулся ко мне, чтобы показать фотографии, и оказался так близко, что наши ноги соприкоснулись. Это было так мило. Кажалось, ему хотелось удостовериться в том, что его отец не настроил меня против него.

Не было снимков Джека взрослого. Может они скрывали фото Дум от меня? Нет, это вряд ли. Они вытащили целую полку, чтобы достать и показать мне фотографии.

Миллион москитов в комнате принялись пожирать меня. Огромное количество их влетело через открытое окно и открытую дверь. Я старалась не убивать их на себе, опасаясь, что покажусь грубой. Я бы также никогда не привлекла бы внимание к таракану в чьей-то чужой квартире. Но я не могла удержаться от того, чтобы не чесать укусы, покрывавшие мои руки и ноги. Мать Джека заметила это и послала его за москитными спиральками. Вернувшись, он зажег одну и поместил у моих ног. Слишком поздно, подумала я, у меня не осталось ни сантиметра нетронутой кожи, они обглодали меня начисто.

Я оценила такой жест матери, и улыбнулась ей. Мне показалось, что морщинка на ее лбу ясно говорила о недоумении, почему же я захотела связать свою жизнь с человеком из этого места.

– Сколько денег ты тратишь за один месяц? – спросил меня отец Джека.

Это был типичный тайский вопрос, который на Западе посчитали бы невежливым.

– Ох, я не знаю...

– Полторы тысячи тратишь?

– Ох, немного побольше...

Джек усмехнувшись добавил:

– По крайней мере раз в десять.

Глаза его отца выпучились, а рот с удивлением открылся.

– Мы поедем в Америку, – сказал Джек родителям.

Отец посмотрел на своего сына так, будто тот выиграл в лотерею миллион. Мать же смотрела на меня так, будто я была сумасшедшей.

Впервые я подумала о том, что было бы забавно показать Джеку Нью-Йорк. Я могла бы взять его покататься в лифте Всемирного Торгового Центра, поездить с ним на метро, научить его носить теплые наушники во время снегопада.

Язва Джека снова напомнила о себе, и он сморщился, схватившись за живот. Его мать прокомментировала:

– Все еще болит? – и покачала печально головой.

Джек посмотрел глубокомысленно вверх и пробормотал:

– Ну почему?

Я услышала, как он сказал до этого – «проклят судьбой».

Никто не ответил.

Когда мы собрались уезжать, Джек настоял, чтобы я постояла рядом и подождала, пока он прощается с родителями, чтобы тем самым проявить уважение, хотя фарангов эти правила не касались. Решив зайти «на дорожку» в туалет, я остановилась перед входом в крошечный укромный уголок, без света, без туалетной бумаги и воды. На двери не было замка, и она, видимо, всегда оставалась открытой. Я решила, что смогу потерпеть, пока не доеду до дома.

Прежде чем мы уехали, Джек вручил матери пачку денег. Когда мы уходили, отец Джека смотрел на меня так, будто я была гусыней, которая несла золотые яйца. Взгляд матери говорил: «бедняжка».

На улице собрались молодые жители трущоб. Они, казалось, знали Джека, но не были дружны. В лучшем случае они просто кивали, а не здоровались.

– Они твои друзья? – спросила я его.

– Я знаю их всех, но я здесь больше не живу. Я стал лучше их.

Возвращаясь обратно на Патпонг в моторикше, Джек говорил о своем отце с недовольным видом:

– Он никогда не дает ни слова сказать моей матери.

Это было правдой. У матери Джека не получалось что-либо сказать, да и у нас тоже, потому что его отец болтал, не переставая. Он часто повторял то, что было сказано несколько мгновений назад.

– Когда я был маленьким, он был плохим отцом. Он постоянно играл в азартные игры, жаловался на отсутствие денег.

Он плохо вел себя с моей матерью, всегда забирая у нее последний бат. А однажды он сломал ее швейную машину. Это единственное, что у нее было. Он сломал ее специально. Моя мама плакала. Он никогда не обращал на меня внимание. Я должен был сам все делать для себя. Он никогда не давал мне денег. Никогда не было еды на обед.

С другой стороны, Джек восхищался тем, что его отец был бодр и хорошо выглядел.

– Он красивый мужчина, не правда ли? – спросил он меня.

– Очень милый, как и ты.

Джек проводил меня до моей двери, но затем уехал обратно на работу.

Наверху, уже дома, я открыла фотоальбом, который дал мне Джек. Под одной из фотографий я нашла сложенный вчетверо листок заявления о приеме на работу и резюме. Но там ничего не упоминалось об университете Чулалонгкорн. Зато там лежало свидетельство об окончании девятого класса, а также сертификат о трехлетнем обучении в коммерческом училище Бангкока. Ха!

Затем я обратила внимание на дату в заявлении – 1986 год, и семейное положение – «холост». Холост? Мало того, что 1986-й был годом, когда Джек женился на Дум, в это же самое время родился их сын Банк. Все-таки Джек считал себя холостым. Очевидно, это было что-то, о чем он врал долгое время.